

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Спортивная жизнь России

№ 4

апрель

4
2004

Сестры
Лисициан
в мире
пластики
и ритма

Трудная стезя
пятиборца
Новикова

Встреча с Пеле

Юные годы
Владимира
Маслаченко

Целебные травы Марии Тимофеевны

+ РАЗДЕЛ «ЗДОРОВЬЕ» 12 полос

Сестры Лисициан – свободный танец

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Воспитанница Тамары и Марии Лисициан Людмила Савинкова – первая абсолютная чемпионка мира по художественной гимнастике, 1963 г.

Назели Лисициан – студентка Ленинградского института народного хозяйства, 1929 г.

Мы встретились с ней в московском Конькове, в прекрасном Доме ветеранов, но не сцены, а науки, где моя собеседница живет и продолжает неутомимо трудиться, сохраняя пронзительную ясность ума и памяти. На столе – только что вышедший номер журнала «Экономическая жизнь современной России» со статьей «Расточительный характер российской экономики», подписанной Н. С. Лисициан, доктором экономических наук. Будь у нас практика указывать и паспортные данные авторов, читатели узнали бы, что данному автору 5 апреля 2004 года исполнилось 98 лет! Послушаем же ее:

– Троє из нас были почти погодки: Тамара родилась в 1903 году, Мария в 1908-ом, я – между ними. Они – родные сестры, как и мы со Србуи (она была старше меня на 13 лет). А между собой наша пара и их пара – сестры двоюродные. Србуи в 1915–17 годах училась в Москве на высших женских курсах Герье и одновременно – в студии ритма и пластики Инны Чернецкой. Та в свою очередь училась в Германии у сестры Айседоры Дункан Элизабет.

В общем, окончив курсы в столице, Србуи в 1917 году вернулась в Тифлис и основала студию ритма и пластики, которая через несколько лет была преобразована в институт. Его все мы и окончили в 1925 году.

В дальнейшем она стала крупным ученым – исследователем армянского танцевального и театрального фольклора, доктором исторических наук. Теоретические положения Србуи Степановны и ее методика анализа движения легли в основу нового направления в этнографии – этнохореографии.

Многогранно одаренная семья Лисициан занимает особое место в жизни нашей страны. Блистательный баритон, народный артист СССР, солист Большого театра Павел Лисициан выступал на его подмостках больше четверти века. Его двоюродные сестры Мария Вартановна и Тамара Вартановна были выдающимися тренерами по художественной гимнастике, они подготовили Людмилу Савинкову – первую чемпионку мира в этом виде спорта, Елену Карпухину, Татьяну Кравченко. Есть и другие достойнейшие носители фамилии Лисициан. Тамара и Мария родились и выросли в Тифлисе, там же и приобщились к высокому искусству танца. Еще раньше по этому пути пошли Србуи Степановна и Назели Степановна Лисициан, двоюродные сестры первой пары. Самая старшая из четверки Србуи организовала в Тифлисе студию ритма и пластики, куда вовлекла Назели, Тамару и Марию... Впрочем, чтобы узнать всю эту историю подробнее, мы не станем рыться в архивах, а послушаем живую участницу тех далеких событий – Назели Степановну Лисициан.

фии, а созданная ею школа получила широкое признание. Она создала оригинальную систему записи танцевального движения. Ее методика позволила математически точно фиксировать положение тела в пространстве. Она оставила наследие и своими переводами на русский язык классиков армянской литературы, и уникальными монографиями. До последних дней своих она работала старшим научным сотрудником Института археологии и этнографии академии наук Армении.

– Видимо, в двадцатые годы – в годы развития тифлисской школы ритма и пластики в стилистике вашей сестры возобладал стиль Айседоры Дункан?

– Да, это так. Именно в студии Чернецкой у сестры сформировалось увлечение пластическим танцем, верность которому она сохранила на всю жизнь. Строго говоря, это был стиль Франсуа Дельсарта, французского педагога XVIII века – создателя теории художественного движения. Его система в то время интересовались многие, в том числе и Станиславский. Идеи, принципы Дельсарта получили развитие в искусстве знаменитой Айседоры.

– Вы видели ее на сцене?

– Да, она приезжала в Тифлис в 1923 году. Хорошо помню ее танец. Я считаю, что Дункан не была выдающейся танцовщицей, она не обладала высокой техникой движения, мало выразительны были ее руки. Возможно, это было связано и с возрастом, ей к тому времени исполнилось 46 лет. Но вспомним блистательного «Умирающего лебедя» Майи Плисецкой – в возрасте уже весьма за 60... Однако Дункан была первой в России (не забудем при этом, что Айседора была граждан-

кой Америки) и даже в мире исполнительниц свободного танца, отошедшей от классических канонов, от пуантов. Она танцевала босая, причем ступала всей стопой. Жаль, что Айседора своим «свободно танцующим телом» технически так ничего и не смогла противопоставить телу, для устойчивости «закрепленному» в классическом балете на пуантах. Похоже, она исповедовала вообще полную свободу тела, даже от техники. Тем не менее нужно отдать должное ее поистине революционной смелости. Своим свободным танцем она расковала сознание наших танцовщикам и хореографам.

– Именно поэтому ее так хорошо приняли в нашей стране?

– Не только поэтому. А еще и потому, что содержательная, тематическая направленность ее танцев носила героический, революционный характер, что особенно нравилось властям.

– А что создала, что привнесла в танец Србуи Степановна?

– Моя сестра пошла дальше. В процессе своих занятий с учениками она стала широко применять метод многограновой композиции – с сочетанием классической хореографии и народного танца. При этом она использовала и народные костюмы, а также ленты, бубны и другие предметы.

– Очевидно, при таком подходе изменилось и отношение постановщика танцев к музыке?

– Да. В свободном танце музыка получила как бы новое композиционное решение. Она уже не являлась просто ритмическим фоном, сопровождением танца. Она становилась его органической частью, обра-

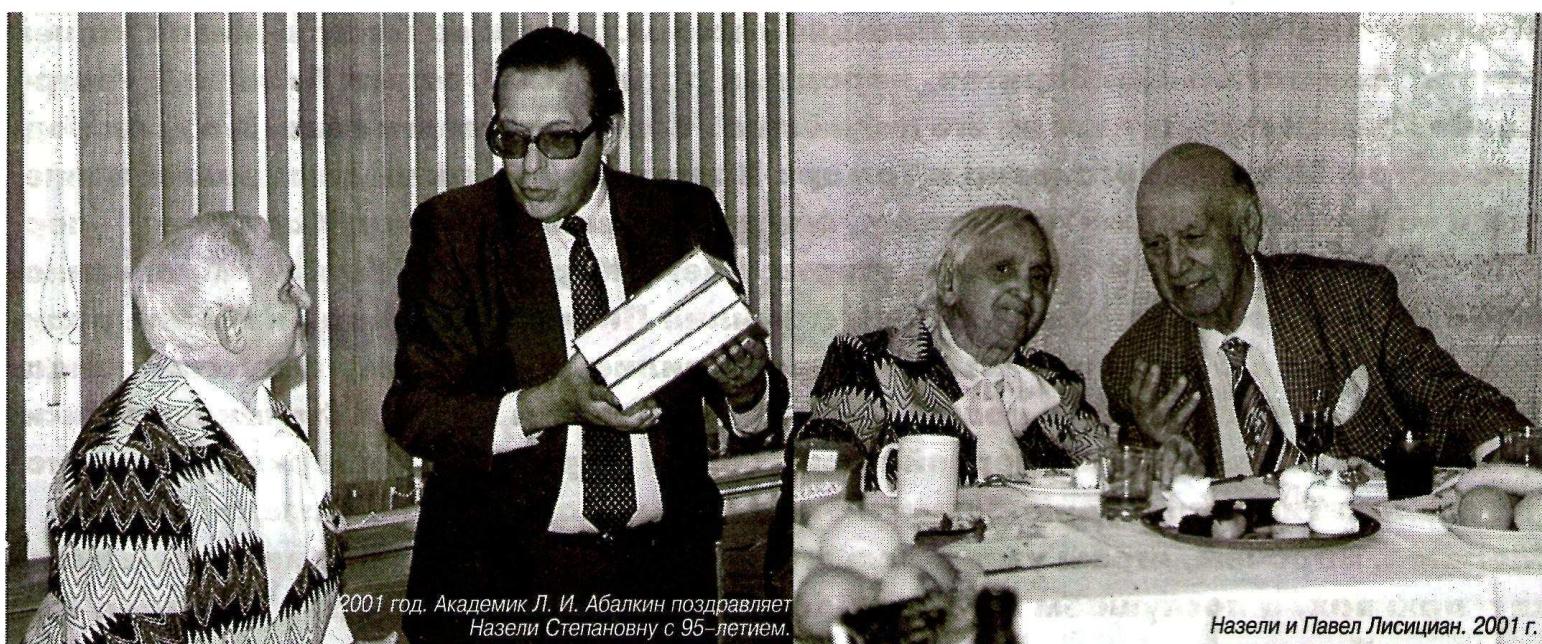
гщалась им. Музыка теперь раскрывала характер танцовщицы, а танцовщица – замысел композитора.

Србуи Степановна стала приглашать очень квалифицированных пианистов-концертмейстеров, причем владеющих и талантом импровизации. Вот и в работе с танцовщицами (а также танцовщиками, хотя, признаюсь, мужчин в нашем коллективе было мало) большое внимание уделялось импровизации, творческой инициативе учащихся, которые под предложенную музыку придумывали и самостоятельно составляли звучный ей комплекс движений. Нас обучали большой эмоциональной выразительности, музыкальной образности. Так в нас зарождалась творческая активность, умение самостоятельно мыслить и воплощать эти мысли в конкретную танцевальную форму.

– Итак, идеи Дельсарта, школа Элизабет Дункан, студия Чернецкой, школа Србуи Лисициан... Можно ли говорить о том, что эти идеи и школы так или иначе явились предтечей художественной гимнастики?

– Да. Я бы, правда, уточнила: Тамара и Мария стали создавать свою художественную гимнастику прежде всего на идеях тифлисской школы Србуи Лисициан. Говоря о корнях этого вида спорта, можно также вспомнить профессора Женевской консерватории Жака Далькроза, который ровно два века назад стал одним из создателей ритмической гимнастики.

– А кто-то, быть может, возьмет на себя смелость назвать и нашу современницу американку Джейн Фонду, с легкой руки которой некогда началася бум аэробики.

2001 год. Академик Л. И. Абалкин поздравляет Назели Степановну с 95-летием.

Назели и Павел Лисициан. 2001 г.

– Тогда уж давайте занесем в этот ряд и ленинского наркома А. В. Луначарского, чьим распоряжением в 1923 году была создана студия пластического движения. Что же касается аэробики, иначе говоря – ритмической гимнастики, то ее, причем намного раньше Джейн Фонды, создали как поточный метод проведения разминки у гимнасток. И что интересно, – создали в нашей стране.

В общем, не счесть прародителей художественной гимнастики, как не счесть историографов, у каждого из которых своя точка отсчета и прилагаемое к ней изначальное событие.

– Судя по реакции Луначарского, современники благоприятно встретили идеи «свободного танца».

– Не совсем и не все. Так, посетив в Тифлисе выступление представителей нашей школы, резко отрицательное отношение к нашей технике пластического танца высказал Айседора Дункан. Но в целом отношение к новой тифлисской танцевальной школе сложилось благоприятное.

И вот в 1924 году Наркомпрос Грузии направил нас, 14 выпускников Тифлисского института ритма и пластики – курс Србуи Степановны Азарапетян (урожденной Лисициан) на гастроли в Москву. Концерт был выстроен из трех отделений. Первое отводилось техническим упражнениям нашей школы. При этом Србуи проводила на сцене, как сейчас принято говорить, «мастер-класс» – мы демонстрировали упражнения, она комментировала. А затем во втором и третьем отделениях исполнялись танцы в ее постановке – индивидуальные и групповые.

О нас просlyшал В. И. Немирович-Данченко, который пригласил нас выступить на сцене МХАТ. При этом актеры и сотруд-

ники всех четырех МХАТовских студий находились во время нашего выступления в зрительном зале. Зал встретил нас очень хорошо, а сам Владимир Иванович письменно выразил свое отношение к нашему выступлению, которое было опубликовано в московской прессе:

«Уважаемая Србуи Степановна! Приншу Вам свою большую благодарность за вечер вашего института в Художественном театре, этот вечер был интересен не только как художественное зрелище, но и как показ школы для молодого актера. Ваш вечер еще раз подтвердил необходимость ритмического воспитания – мы все были захвачены достижениями Ваших воспитанников в умении владеть телом, в великолепной ритмичности, в хорошем вкусе. Еще раз благодарю. Вл. Немирович-Данченко».

Большой интерес проявил к нашей школе нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Он посетил наши концерты дважды, а затем инициировал проведение в Российской Академии художественных наук специального заседания, где обсуждалась стилистика новой Тифлисской танцевальной школы. Перед заседанием наша группа исполнила несколько своих танцев. Итогом заседания явилось постановление, где говорилось о том, что ввиду несомненной важности и значимости работы Тифлисского Института ритма и пластики необходимо поставить вопрос о его переводе в Москву.

Однако из этой затеи, несмотря на старания Луначарского, так ничего и не вышло. В то время шло активное целенаправленное сокращение большого числа хореографических школ и училищ, к тому же в Москве были большие проблемы с помещениями, и

перевод Тифлисской школы в столицу неминуемо вызвал бы напряженность и конфликтные ситуации.

А еще Србуи Степановну пригласил для работы во МХАТе – помощником режиссера по сценическому движению – сам Владимир Иванович Немирович-Данченко. Получили приглашения на работу в Москве и многие другие участницы нашей группы. Но и Србуи Степановна, и мы, ее ученицы не смогли принять это предложение – по причинам личного характера.

Всего в тот наш приезд было организовано 11 концертов, из них два полных – в три отделения – концерта в Колонном зале Дома Союзов, чья сцена была в ту пору самой почетной сценической площадкой в стране. К этому подводило и высокое исполнительское мастерство артистов, и то, что даже самая идеологически и методически строгая, выверенная критика заявляла, что наша работа не имеет никаких вредных для здоровья тенденций, а в художественном отношении является серьезным достижением.

Вот и высший совет физической культуры столицы после изучения физического состояния членов нашей группы опубликовал соответствующее положительное заключение. В общем, успех был полный, я бы даже сказала – феерический.

– Остается лишь удивляться тому, что вас обделило своим внимание первое лицо государства.

– Все же не обделило. Через два года Сталин во время своего пребывания в столице Грузии побывал на нашем концерте. А правильней сказать, что в его честь был организован специальный концерт, где выступили и мы. Наше выступление ему понравилось, он сказал об этом руководителям Закавказского крайкома партии. И добавил,

что хорошо было бы ознакомить с достижениями тифлисских танцовщиц зарубежных любителей искусства.

Через несколько месяцев меня, Катю Алибирову и Люсю Каспарян отправили на выступления в Германию. Уже в Америке к нам присоединилась Лиза Тер-Саркисова, которая по своим личным делам выехала туда раньше. Причем все мы, а также наш руководитель Србуи Степановна были вынуждены вложить в эту поездку собственные деньги. Ради германского турне мои родители продали дорогостоящий буфет.

Большая часть наших концертов прошла в Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге и Дюссельдорфе. Мы исполняли несколько танцев, отобранных нашим импресарио. Был среди них и мой самый любимый танец, поставленный моей сестрой на музыку С. Бархударова. Замечательный армянский поэт Ованес Туманян назвал его «Наз пар» («Наз» – это начало моего имени, «пар» по армянски – танец). Под таким названием танец и остался на сцене, я с большим удовольствием танцевала его много лет. Мне особенно приятно, что под этим названием мой танец стал народным.

– Похоже, что ваша долгая поездка в Германию не обернулась известными при таких случаях печальными последствиями. Никого из вас не арестовали, не обвинили в шпионаже. Может быть, сказалось и то, что вы были посланы по личной рекомендации Сталина?

– Не знаю, может быть. Но учите, что это был 27-й год, когда время массовых репрессий еще не наступило. Когда же начались репрессии, то из нас четверых сильно пострадала Србуи, у которой арестовали и уничтожили ее единственного сына. Ему тогда было 22 года. Несколько лет провела в сталинских лагерях и Мария Вартановна Лисицыан. Карательная государственная машина перемалывала людей без особого разбора. Мне просто повезло.

К моменту нашей поездки в Германию я уже училась в Ереванском университете на экономическом факультете. Та поездка вынудила меня пропустить год учебы, которую я возобновила по возвращении.

До отъезда в Германию, вместе с делегацией своего университета мне довелось посетить Ленинград, где я договорилась о переводе меня в институт народного хозяйства имени Энгельса, опять же на экономический факультет. Мне пошли навстречу. Я переехала в Ленинград, там училась и продолжала танцевать на сцене.

(Окончание следует)

Обо всем и каждом

В современной легкой атлетике большой проблемой остается неумное желание бегунов-спринтеров раньше выстрела покидать стартовые колодки. Введение новых правил – второй фальстарт любого участника приводит к его дисквалификации, оказалось лишь частичным выходом из положения.

На Олимпийских играх в Древней Греции применялись куда более действенные меры. В случае фальстарта судья подзывал к себе нарушителя и громогласно называл его имя, а также город, который он представлял. После этого бегун получал несколько ударов плетьми и возвращался на старт. Нетрудно догадаться, что повторного нарушения не было.

■ Однажды во время матча между сборными СССР и Чехословакии в Пльзене шайба после сильного рикошета улетела на трибуны. Счастливый обладатель ее, разумеется, не вернул сувенир. Арбитр, не долго думая, полез в карман, вытащил запасную шайбу и бросил на лед. И вдруг, ко всеобщему замешательству, она рассыпалась на мелкие кусочки. Оказалось, что в попытках судья бросил свой новый секундомер в черном бакелитовом футляре.

■ Известные в свое время новозеландский игрок в гольф Бобби Локке из-за полноты и солидных манер всегда выглядел старше своих лет. Когда ему было 35 лет, один из зрителей громко сказал: «Этот почтенный старина Локке все еще неплохо играет». Гольфист повернулся к нему и спросил: «И сколько мне лет по-вашему?» – «Не меньше сорока пяти». «Вы ошиблись

на десять лет», – сказал Бобби. «Да? Но вот пятьдесят пять я вам не дал».

■ Большой любитель корриды испанец Жоэль Менгано не ограничивается зрелищами боев с быками, занимается историей, ведет статистику. Он, в частности, выяснил, что самым трагическим был 1957 год. Тогда во всем мире было убито на аrenaх 2630 быков и погибло 22 тореадора.

■ Из-за олимпийских чемпионов в метании диска самым субтильным считается американец Кларенс Хаузер. В возрасте 22 лет он принял участие в Олимпиаде 1928 года в Амстердаме. При росте 185 см Хаузер весил всего 82 кг. Тем не менее он стал победителем, метнув диск на 47 метров 32 см.

■ Житель Мадрида Феликс Гайела, как давний и истинный фан «Реала», посещал все матчи своей любимой команды. Но однажды он едва не пропустил игру «королевского клуба» с командой из Бильбао. Лишь в самую последнюю минуту ему продала билет девушка, которая, видимо, была равнодушна к футболу. На радостях счастливый болельщик в знак благодарности подарил незнакомке свой лотерейный билет. По возвращении домой Феликса Гайелу, кстати, шоfera-таксиста по профессии, встретила чуть ли не обезумевшая от счастья жена, которая сообщила, что номер их лотерейного билета совпал с огромным выигрышем. Разразившуюся затем сцену мы комментировать не будем.

